Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/LLFEFI
УДК 821.161.1.0+82
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ — ПРОЛЕТАРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ? К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

© 2025 г. Д.С. Московская
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 23 ноября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 20 декабря 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-66-83

Аннотация: Был ли Платонов пролетарским писателем, если происходил из среды рабочих и назывался таковым? Литературные термины советской эпохи, например пролетарский писатель, имеют очевидный идеологический смысл. Если они применяются к конкретным явлениям или персонам, их значение не столь очевидно. Аллюзии Платонова к текстам Маяковского, реплики в споре с пролетарской критикой свидетельствуют о преображении художественной плоти его произведений идейными спорами времени. Его творческое видение тяготеет к драматической форме, его произведения определяет эмоциональная вовлеченность в трагические судьбы современников — рабочих, брошенных на выполнение непосильных задач первой пятилетки, инженеров, писателей-профессионалов, обвиненных во вредительстве социализму, которому они преданы. Самоидентификация Платонова-писателя реализуется в художественном слове, лишенном эстетической беспристрастности и окутанном не столько смыслами, сколько оценками этих смыслов. Понятие «пролетарский писатель» в отношении Платонова обнаруживает историческую развилку: закрепленное уставом ВАПП, оно означает члена боевых отрядов рабочего класса, другое — рождено в споре с этой кодификацией, означает мастерового, мастера, преданного делу профессионала.

Ключевые слова: термин, дефиниция, эстетическая деятельность, звучащее слово, конкретный смысл, текстология, герменевтика, М. Бахтин, В.Н. Волошинов, А.В. Михайлов.

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, заведующая Отделом рукописей, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. https://orcid.org/0000-0002-8089-9604

E-mail: darya-mos@yandex.ru

Для цитирования: *Московская Д.С.* Андрей Платонов — пролетарский писатель? К проблеме дефиниции ключевых слов советской эпохи // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 66–83. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-66-83

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

IS ANDREI PLATONOV A PROLETARIAN WRITER? ON THE PROBLEM OF DEFINING KEYWORDS OF THE SOVIET ERA

© 2025. Daria S. Moskovskaya
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: November 23, 2024
Approved after reviewing: December 20, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Abstract: Can Platonov be considered a proletarian writer, given his background from the working class and his recognition as such? In Soviet literature, there were such terms as "proletarian writer" that had an obvious ideological meaning. However, when we consider them in the context of specific phenomena, this meaning is not always obvious. Platonov's references to Mayakovsky's works and his comments in response to proletarian criticism indicate how his artistic style was transformed under the influence of the ideological discussions of the time. His creative vision tends towards dramatic forms, and his works are influenced by emotional involvement in the tragic fate of his fellow workers, who during the first five-year plan were forced to perform impossible tasks. Engineers and professional writers were accused of sabotaging socialism, and Platonov devoted himself to these topics. Platonov saw himself as a writer who speaks through artistic images. His work was not devoid of aesthetic impartiality, but it was shrouded in assessments rather than meanings. The concept of a "proletarian writer," as it related to Platonov, has changed over time. According to the charter of the VAPP (All-Russian Association of Proletarian Writers), this meant that the writer had to belong to the combat detachments of the working class. However, this definition was challenged during discussions about codification, and a new interpretation appeared in which the proletarian writer was perceived as a craftsman, a master, and a dedicated professional.

Keywords: term, definition, aesthetic activity, sounding word, specific meaning, textual criticism, hermeneutics, M. Bakhtin, V.N. Voloshinov, A.V. Mikhailov.

Information about the author: Daria S. Moskovskaya, DSc in Philology, Director of Research, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Manuscript Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-8089-9604

E-mail: darya-mos@yandex.ru

For citation: Moskovskaya, D.S. "Is Andrei Platonov a Proletarian Writer? On the Problem of Defining Keywords of the Soviet Era." *Studia Litterarum,* vol. 10, no. 1, 2025, pp. 66–83. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-66-83 (In Russ.)

Название серийного научного издания, посвященного жизни и творчеству Андрея Платонова «Страна философов: проблемы творчества», в предложенном на обороте титула обратном переводе с английского звучит «Страна философов: неотвеченные вопросы». Перевод дает повод для того, чтобы обратиться к нашему сегодняшнему пониманию значения ключевых слов советской литературы. Современные исследователи советской литературы, предлагая различные версии периодизации этого этапа в литературном процессе, вписывая в него новые имена, события и факты, порой не заботятся о происхождении и порядке закрепления характерных для него понятий и терминов, вероятно, в силу их простоты и очевидности. Работающие по инерции, они не тревожат своим историческим устроением, которым поверяется истинность гуманитарного знания, ибо, как писал А.В. Михайлов, «каждое слово в науке о литературе есть слово, зашедшее внутрь этой науки извне, то есть из того, что можно в самом общем смысле назвать жизнью» [12, с. 209]. Не только автоматизм употребления отрезает «ближайшее мнение» (А.В. Михайлов) от исторического. Трудность заключается и в том, что «всякий взгляд, открывающий <исторический> факт, открывает его с определенной точки зрения» [11, с. 44]. Любая теоретическая его регистрация, как писал Д.С. Лихачев, осуществляется лишь в одном из множества ракурсов и ведет к неизбежному обеднению его исторического содержания. И потому чем более связано «объяснение с жизненно конкретными обстоятельствами, тем оно надежнее» [11, с. 554]. Выстраивая иерархию значимых обстоятельств, ведущих к обновлению литературоведческой терминологии, появлению новых вариантов и редакций текста, Лихачев рекомендовал «в первую очередь учитывать... классовые,

сословные, групповые и тому подобные интересы и… литературные вкусы» [11, с. 554]. Отвечая текстологическому, по своей сути герменевтическому подходу [4, с. 31] к литературному памятнику, Н.В. Корниенко призвала историков литературы обратиться к исторической реконструкции фактов и отказаться, как сказал бы А.В. Михайлов, от операции обратного проецирования, при которой «в чужой для нас истории и чужой для нас исторической ситуации мы приписываем способность подчиняться нашим понятиям и представлениям» [12, с. 210]: «Если мы пребываем в научном, а не журналистско-критическом дискурсе, — пишет Н.В. Корниенко, — то просто обязаны без передергивания реконструировать, в том числе, и политические взгляды писателя. Как без этой работы мы будем комментировать насыщенные историко-политическими контекстами произведения Платонова, который аттестовал себя "политическим писателем"?» [10, с. 70].

Итак, «неотвеченные вопросы» советской литературы касаются исторических дефиниций, насыщенных «классовыми, сословными, групповыми интересами», идеологическими, социально-политическими смыслами и точками зрения, которые на первый взгляд уводят прочь от проблем собственно литературоведческих в область социологии, политики, идеологии и классовой борьбы. Применительно к наследию Андрея Платонова один из таких «неотвеченных» вопросов: был ли он пролетарским писателем?

Разысканные платоноведами в различных архивах биографические сведения дают однозначный ответ: Платонов — писатель, пришедший в литературу из рабочей среды, ценивший технический прогресс («машины изобретены сердечной догадкой человека» [24, с. 50]), как сын машиниста, как рабочий-электротехник, строитель, инженер-изобретатель, никогда не забывавший о своей профессиональной и личной связи с техникой. Неудивительно, что политико-экономические решения власти постоянно находились в поле его напряженного внимания и что он был особенно чувствителен к происходящим в жизни страны процессам [9], в 1920-е гг. отмеченным острой конкурентной борьбой на литературном фронте.

Писательские союзы в те годы создавались по классовому принципу — пролетарские, вобравшие в себя «культурный авангард пролетариата» из числа начинающих писателей-рабочих; крестьянские, составленные из бывших селькоров; попутнические, в которые вступали «иноклассовые» писатели; интеллигенты, в том числе дореволюционной

«формовки», пытавшиеся уцелеть в новых социально-политических условиях и реализовать свои профессиональные навыки. Выбор писателем той или иной институциональной принадлежности определялся уставными требованиями союза.

Устав Пролеткультa строил свою организацию с целью «организационного завершения новой формы рабочего движения» и превращения Совета Пролеткульта в центр, «объединяющий и руководящий в деле строительства революционно-коммунистическим пролетариатом своей пролетарской культуры» [27, с. 53]. Пролеткульт был организацией обучающей, где профессиональные писатели выдвигались в руководители кружков начинающих пролетарских авторов. Пролеткульт ориентировался на воспитание художественного вкуса литкружковцев, ставил во главу угла мастерство, выращивая из своей среды талантливых поэтов, позже создавших объединение «Кузница» с отчетливой эстетической программой развития пролетарской литературы.

Устав попутнического Всероссийского союза писателей (ВСП, образован в 1920 г., первоначальное название — Всероссийский профессиональный союз писателей) допускал в свои члены любого, «для которого писательский труд является постоянным занятием и у которого имеется не менее одной книги, отдельно напечатанной, или ряда произведений, напечатанных в периодических изданиях»[1]. Он не ставил перед своими членами каких-либо идеологических целей и не выдвигал политических требований; это был союз профессионалов, и его средства пополнялись государственными субсидиями и взносами, обеспеченными успешной творческой деятельностью членов.

Целью Всероссийской ассоциации пролетарских писателей было осуществление культурной революции, что означало «смену в итоге непримиримой борьбы одного общественного класса, в данном случае буржуазии, другим классом — пролетариатом»[2] на идеологическом фронте и было «невыполнимо без создания организованных боевых отрядов с ясной программой»[3]. Демократизм пролетарских ассоциаций простирался так далеко, что масса начинающих писателей, юнкоры и рабкоры, литкружковцы име-

1 ОР ИМЛИ. Ф. 157. Ед. хр. 1. Л. 2.
2 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 46. Л. 2.
3 Там же.

ли право участвовать во всех конференциях ВАППа с правом решающего голоса: «Они такие же равноправные члены, как писатели с 30-летним стажем — Д. Бедный, Серафимович»[4]. Литературно-критическая активность ВАППа, создававшая условия для обучения и самообучения писателей, главной своей заботой имела развенчание культурной ценности писательского профессионализма: «пролетарам» нужно было занять командные высоты на литературном фронте, обеспечив себе идеологическое превосходство над профессиональными писателями, что превращало ВАПП в репрессивную машину, направленную против писателей-попутчиков.

Для Платонова, вступавшего в литературу в первые годы революции, в соответствии со своим происхождением и отсутствием писательского опыта было естественно стать членом Воронежского союза пролетарских писателей, от которого в октябре 1920 г. участвовал в качестве делегата в работе Первого Всероссийского съезда пролетписателей. С 1920 г. Платонов публикуется в первом пролетарском художественном журнале «Кузница», хотя членом этого объединения не становится. В 1929 г., в год «великого перелома», пытавшийся вступить в МАПП (структурно входивший в ВАПП, затем в Российскую ассоциацию — РАПП), он был отвергнут этой уже добившейся гегемонии на литературном фронте пролетарской организацией и в 1930 г. стал членом краеведческой секции попутнического Союза писателей [16]. Прослеживая по архивным документам траекторию классового выбора этого писателя из рабочих, нетрудно освободить его от статуса «пролетарскости» и доказать его «дрейфование» в сторону писателей-профессионалов, интеллигентов-попутчиков. Но будет ли такого рода наивный биографизм отвечать историческому положению дел, раскрывает ли он конкретное историческое содержание понятия «пролетарский писатель» в самоидентификации Платонова или тех, кто хотел быть или считал себя пролетарским писателем?

Случай Платонова отмечен отсутствием перегородки, «маски, рампы, сцены… как… формы представительности бытия» [2, с. 8], между тем, что называется литературой, и тем, что переживалось им как собственная судьба и судьба тех, кого он любил. Его художественное слово интенционально особым образом: он личностно, в терминах М. Бахтина, «родствен-

4 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 51. Л. 5.

но», присутствует в своих текстах, будучи жизненно заинтересованным в содержательном итоге диалогов или споров его героев, в исходе сюжетных перипетий, так, словно от собранного им художественного материала зависит его собственная судьба. Если у Ф.М. Достоевского герои «не только объекты авторского слова, но и субъекты собственного непосредственно значащего слова» [3, с. 13], то платоновские персонажи — объектно воспринятые и опредмеченные социальные силы, самым прямым образом определявшие в конкретный момент создания текста жизненные перспективы Платонова-писателя и человека. В отличие от Достоевского, представлявшего в своих персонажах идеологическую самодостаточность различных социальных сфер, Платонов, писавший об актуальной современности, погружен в ее силовое поле, пронизан токами «высокого напряжения». Как автор, он переходит грань, отделяющую жизнь от литературы, ибо клокочущая «крохоборством борьбы» (так назвал эпоху 1920-х гг. сам Платонов) реальность эту грань поглотила. Из многоголосья полифонического романа эпохи капитализма, нарушившего идеологическое равновесие индивидуальности [3, с. 27], рождается экспрессивный социально-идеологический экзистенциальный роман советской эпохи, своеобразие которой засвидетельствовал К.Г. Паустовский: «Литература двадцатых годов была литературой эгоцентрической — 90% литература занималась вопросом: как относится революция ко мне и как я отношусь к революции» [9, с. 224]. Как пишет Н.В. Корниенко, «у каждого писателя была *своя* революция и собственный опыт ее переживания и осмысления» [9, с. 224].

Если эстетическая деятельность начинается в тот момент, когда писатель возвращается «в себя и на свое место вне страдающего» героя, когда он оформляет и завершает «материал вживания», то эстетический порядок отношений автора и героя у Платонова нарушен: «страдание данного человека» он не может и не хочет поместить вовне, превратить в «чисто пластическую ценность» [1, с. 107]. Платонов сам это критически сознавал, отметив в записной книжке: «Как не похожа жизнь на литературу <...>. Большая ложь — слабость литературы. Даже у Пушкина, Толстого и Достоевского — мучительное лишь “очаровательно”» [25, с. 77].

Платоновские наброски к пьесе «Объявление о смерти» (более известна под названием «Высокое напряжение») — «инженер, умерший в конце концов от сознания собственной ненужности, неспособности (молодые

лучше) и т. д. и давший объявление о своей смерти» [15, с. 708], — читаются не как эстетический «избыток видения», охватывающий и обрабатывающий смысловые границы героя [1, с. 221], но как стенограмма собственной судьбы. Эту творческую ситуацию можно прокомментировать примером из Ортега-и-Гассета, описавшего встречу у одра умирающего его супруги и некоего газетчика. Один потрясен и охвачен скорбью, другой раздумывает, как передать чужие страдания, чтобы заразить ими читателя. В результате этого анализа, пишет Ортега-и-Гассет, «удается с определенной ясностью установить шкалу духовных дистанций между реальностью и нами. В этой шкале степень близости к нам того или иного события соответствует степени затронутости наших чувств этим событием, степень же отдаленности от него, напротив, указывает на степень нашей независимости от реального события; утверждая эту свободу, мы объективируем реальность, превращая ее в предмет чистого созерцания» [17, с. 230]. Платонов же находится на крайней точке шкалы личной вовлеченности, сердечной и интеллектуальной «затронутости». Из личностной заинтересованности автора в художественном итоге собственного повествования проистекает проблема эстетической завершенности многих произведений Платонова, следующая из невозможности подчинить свою жизнь и судьбу своих персонажей своим ожиданиям, воле и идее. Лишь безучастный читатель, отделенный дистанцией времени от Платонова и его героев, способен эстетизировать, художественно завершить полусырой материал социальной жизни советской эпохи и собственной жизни писателя.

Историзм платоновского текста обусловлен мощным диалогизирующим творчество писателя социально-политическим идеологическим фоном, в силовом поле которого его собственное слово лишено эстетической беспристрастности и окутано не столько смыслами, сколько оценками этих смыслов. Как писал современник Платонова В.Н. Волошинов: «Мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т. д. <...> Как такое мы его понимаем и лишь на такое, задевающее нас идеологически или жизненно слово мы отвечаем» [5, с. 77].

Сюжет и конфликтология его «Объявления о смерти» отвечали общественно-политической обстановке времени — той, что сложилась после апрельской (1929) XVI конференции ВКП(б). Выполнение плана в первый

год пятилетки оказалось на грани срыва, вина за который была возложена на многочисленные «политические и вредительские организации». Самым громким из этих судебных дел и наиболее близким к тематике пьесы стал показательный процесс над Промпартией (1930). Эти события в датах и смыслах корреспондируют с событиями в литературной жизни страны. Среди них важнейшие связаны с широко освещаемыми в прессе вступлением главного поэта современности, «попутчика» В. Маяковского, в Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП) и вскоре последовавшей его трагической гибелью. Маяковский вступил в РАПП 6 февраля 1930 г., как он писал в заявлении, «в осуществление лозунга объединения всех сил пролетарской литературы». Однако членство в РАППе не принесло Маяковскому желанного усыновления семьей пролетарских писателей. В период с февраля по апрель 1930 г. Маяковского все время «прорабатывали» на секретариате РАППа, делали это мелочно и назидательно: его творчество не отвечало «пролетарской эстетике» [16]. Самоубийство поэта 14 апреля 1930 г. было закономерным итогом для того, кто «без позы и без маски» работал «до седьмого пота над поднятием количества, над улучшением качества» литературного производства: «Многие пользуются напосто́вской тряскою, / с тем, чтоб себя обозвать получше. / — Мы, мол, единственные, мы пролетарские... — / А я, по-вашему, что — валютчик? / Я по существу мастеровой, братцы <...>. Засучу рукавчики: работать? драться? / <...> Я меряю по коммуне стихов сорта» [22, с. 152–153]. Спустя год после смерти Маяковского из печати вышла книга-очерк В. Шкловского «Поиски оптимизма» одновременно со вторым дополненным изданием брошюры Л. Авербаха «Памяти Маяковского». Шкловский цитировал высказывание работницы-текстильщицы, что смерть Маяковского — это несчастный случай на производстве [33, с. 113]. Развивая эту мысль, Шкловский назвал причиной «производственной аварии» отклонение поэтического курса Маяковского в сторону «изготовления лирических стихов» [29, с. 113]. В брошюре Авербаха самоубийство поэта было названо «катастрофической и непростительной ошибкой» [18, с. 6–7].

Трагическая судьба Маяковского стала лично близкой Платонову в 1930–1931 гг., когда он пережил и перечувствовал предсмертное состояние автора «Во весь голос». Фигурантами трагических событий в жизни Платонова тогда стали те же лица, что и у Маяковского, — Л. Авербах,

А. Селивановский, В. Ермилов. Три журнальных номера «На литературном посту» начала 1930 г. отделяли очередной разгром автора «Усомнившегося Макара» от разноса автора «Клопа», учиненные авторитетным критиком РАППа Селивановским. Нападки на Платонова, которого Авербах согласился считать писателем из рабочих, — милость, в которой Маяковскому было отказано, — в 1930–1931 гг. усиливались раз от раза. В середине июня 1930 г. Пленум МАПП принимает резолюцию по публикации повести «Впрок»: в ней была выявлена активизация враждебных элементов на идеологическом фронте. Классовым врагом в статье В. Дятлова «Больше внимания тактике классового врага» [26, с. 2] был назван создатель повести «Впрок». Платонова вновь «поймали» на «правом уклоне». Агентом врагов его назвал сам Сталин. По свидетельству писателя, для него настали труднейшие времена, ему было жизненно необходимо «исправиться». «Объявление о смерти», которое должно было стать исполнением «социального заказа» РАППа на создание «высокоидейной» пьесы о герое социалистического производства, задачи, с которой, по мнению Ермилова, не справился Маяковский, политической цензуры не преодолело. Политредактор Главреперткома отметил идейные просчеты сюжета: «…почему мы так мало бережем людей, почему, действительно, наши достижения сплошь на жертвенности, а ведь под знаком жертвенности раскрыта вся пьеса. <…> …Вся эта история с показом на глазах у зрителя (гробов на сцене с павшими в борьбе за встречный. — *Д.М.*) — <значит> что на страдания обрекают лучших, преданных строителей социализма» [15, с. 713].

Производственные аварии, которые сопровождали развернувшуюся на Ленинградском металлическом заводе, месте действия «Объявления о смерти», борьбу за невыполнимый встречный план, обвинения во вредительстве инженеров, опасавшихся за качество выпускаемого оборудования и износостойкость станков, были хорошо известны Платонову-инженеру, турбинщику. Конъюнктурная для партийных функционеров, катастрофическая для качества продукции, чреватая производственными травмами и обвинениями в контрреволюционной деятельности для измученного рабочего и инженерного состава борьба за встречный план на ином, чем литературные бои, жизненном материале раскрывали общую судьбу тех, кто «без завистей и без фамилий» числил себя мастеровым «коммуновой стройки». В траурные дни апреля, которые Платонов застал в Ленинграде, вышла

однодневная газета ЛО ФОСП «Владимир Маяковский». «В этой колыбели русской поэзии <…> в городе Октябрьской революции раздался впервые голос поэта, того, кто держал “в своей пятерне миров приводные ремни”, провозгласившего: “вам я душу вытащу, растопчу, чтоб большая! — и окровавленную дам, как знамя”» [23, с. 359].

Финал «Объявления о смерти» вторит событиям общесоюзного прощания с Маяковским, желавшего, по свидетельству секретариата РАПП, «идти рука об руку с рабочим классом». В «Объявлении о смерти» слова прощания, обращенные к рабочему и инженеру, жертвам несчастного случая на производстве и героям борьбы за встречный: «Что ж ты, Семен, навсегда, стало быть, уморился? <…> До самого социализма дожил, а — умер... Вот скоро хорошо уж будет, а тебя нету» [15, с. 265], — звучат репликой Платонова в начатом в 1926 г. [14] диалоге с автором поэмы «Хорошо» и «Про это». В сцене прощания «глухо, точно очень далеко, играют похоронный марш». Его звуки, «как вещи» из «Мистерии-Буфф», «встают неподвижно», «слышится далекий раскат грома» и безостановочно льет вызванный Платоновым со страниц «Про это» ливень. Природа оплакивает тех рабочих и спецов, инженеров и поэтов, кого за искренностью сердца не смогло поработить идеологическое оглашение, — так определил Платонов метод пролетарской литературы в программной статье «Великая Глухая» (1931). Он поминал, сохраняя от забвения, рядовых участников социалистического строительства, подобно автору «Бани», решая, кому из современников суждено войти в обетованную землю коммунизма: «Примут тех, кто сохранится в ста годах» [21, с. 326]. Платонов оплакивал и воскрешал тех, кто собственной кровью «доработался» до «пролетарского метода» жизни и творчества и не был причастен к производству «лживых звуков».

Аллюзии к текстам поэта не покинут новые редакции пьесы «Объявление о смерти», созданные после роспуска РАППа постановлением «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. В пьесе «Почтальон» мы найдем исполненную едкой сатиры гротескную сцену с отсыпающейся после многодневного непрерывного монтажа трансформатора ударной бригадой, оглушительно храпящей в рупоры заводских громкоговорителей в ответ на призыв руководства явиться для награждения в заводской клуб. Равнодушие этих простых рабочих к орденам и медалям и их подвижнический труд служат своего рода постскриптумом к строкам

из послания Маяковского пролетарским поэтам: «Оставим распределение орденов и наградных, / бросим, товарищи, наклеивать ярлычки <...>. Наплевать мне, товарищи, в высшей степени / на деньги, на славу и на прочую муру!» [22, с. 154, 156].

Кровная связь рабочего-писателя с историческим пространством эпохи социалистической реконструкции и судьбами ее жертв и героев иначе, чем биографически, ставит вопрос: является ли Платонов пролетарским писателем? Платоновские аллюзии к текстам Маяковского, уже установленные его реплики в споре с публицистическими статьями А.М. Горького, с напостовской критикой [13], незавершенность и незавершимость его ключевых произведений («Технический роман», «Счастливая Москва») или их свободные финалы («Эфирный тракт», «Чевенгур») свидетельствуют о существовании «внутренней социальной аудитории», которая превращает его художественные высказывания в «оценивающую ориентацию» [5, с. 116], преобразующую художественную плоть его произведений идейно-политическими спорами времени.

Почти всегда они были устными и дошли до нас в тысячелистных стенограммах диспутов, дискуссий, коллективных чтений и обсуждений, которыми заполнены архивы литературных институций тех бурных лет, и только немногие запечатленные стенографистками ремарки дают порой понять невербальную реакцию присутствующих на происходящее в зале: «шум», «выкрики с мест», «делегация покидает зал», «аплодисменты». Конкретностью эмоции звучащая речь отличается от речи неозвученной: «С точки зрения семантической озвученные знаки значений приобретают относительно большую конкретность, проигрывая в потенциальной многозначности, свойственной знакам неозвученным. <...> ...Подобно единичному понятию в сравнении с общим, оно <звучащее слово> обогащает свое качественное содержание, неизбежно сужая объем. <...> ...Здесь “исполнитель” совершает творческую работу толкования...», — пишет в конце 1920-х гг. А.В. Федоров, ученик и сотрудник С.И. Бернштейна, руководителя и создателя Кабинета изучения художественной речи Государственного института истории искусств [7, с. 437]. Эмоциональная вовлеченность Платонова, начинавшего как журналист, корреспондент воронежских газет «Красная деревня» и «Воронежская коммуна» с публикаций отвечавших актуальной повестке дня политических лозунгов-воззваний, говорят о том, что его

творческое видение, как и Достоевского, с самого начала было отмечено тягой к драматической форме: для обоих писателей основной категорией выступает «не становление, а сосуществование и взаимодействие» [3, с. 175]. Достоевский, отмечает Бахтин, «почти никогда не апеллирует к истории, как таковой, и всякий социальный и политический вопрос трактует в плане современности» [3, с. 38]. В пристрастии Достоевского к журналистике, в его тяге к газете как живому отражению противоречивой социальной современности исток произведенного им разрушения сложившихся форм европейского монологического романа и построения полифонического романного мира. Однако социологизм Достоевского неисторичен: «Герой Достоевского — оторвавшийся от культурной традиции, от почвы и от земли интеллигент-разночинец, представитель “случайного племени”. Такой человек вступает в особые отношения к идее: он беззащитен перед нею и перед ее властью, ибо не укоренен в бытии и лишен культурной традиции» [3, с. 36]. Иначе обстоит дело с Платоновым, принадлежавшим по происхождению к культуре высококвалифицированных рабочих-мастеров (машинистом-железнодорожником был отец Платонова, Платон Климентов), по роду деятельности — к «работникам земли», мелиораторам, от результатов труда которых зависела подчас человеческая жизнь [8].

Дефиниция «пролетарский писатель», смысл которой мы ищем в отношении Платонова-автора и Платонова-писателя, обнаруживает исторически и личностно маркированную развилку в самом смысле понятия «пролетарского» или «рабочего» писателя. Одно, закрепленное уставом ВАППа, означало «члена боевых отрядов рабочего класса со специфической задачей укрепления, развития, подготовки победы и установления гегемонии пролетарской литературы», другое, рожденное памятью рода и закрепленное конкретикой жизненных обстоятельств, сужало общее понимание идеей мастерства, ответственного профессионализма, высокого качества продукции и преданности идеям социальной справедливости. Первое — с чрезвычайно широким семантическим ядром организатора борьбы за классовую гегемонию против эксплуататорской прослойки — было закреплено в Толковом словаре Ушакова, создававшегося для «идеологической индексации и кодификации ценностей советского общества через отбор образцовых словосочетаний» [6, с. 175]. Здесь пролетарий поясняется как «лишенный средств производства наемный рабочий в капиталистическом обществе. То-

варищ Сталин в беседе с английским писателем Уэллсом указал, что исход борьбы между богатыми и бедными, между имущими и эксплуатируемыми решается классом пролетариев, классом работающих» [28, стб. 956]. Рабочий «в условиях капитализма — то же, что и пролетарий. В СССР человек, профессионально занимающийся физическим трудом и принадлежащий к господствующему классу, владеющему средствами производства совместно со всем народом. *Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян.* Сталин» [28, стб. 1099].

Толковый словарь В.И. Даля, создававшийся в те годы, когда отсутствовала методика лексикографических штудий, был плодом героического труда этнографа: «Я избрал путь средний: все одногнездки поставлены в кучу, и одно слово легко объясняется другим. Одногнездками называю я глагол с производными: существительными, прилагательными, наречиями и другими частями речи» [20, с. XXXV]. Однако Далю удалось создать нечто большее, чем толковый словарь, он создал, по словам В.В. Виноградова, «своеобразную энциклопедию народной русской жизни» [19, с. 229], «миросозерцания русского народа» [19, с. 230]. Внутри этой культурной традиции «рабочий» определялся Далем как «живущий трудами рук своих», «усердный».

Словарное определение «пролетария» в Толковом словаре Ушакова, вапповская классовая категоризация пролетарского (рабочего) писателя и заполненные графы социального происхождения личных листков по учету кадров аттестуют Платонова как представителя некогда эксплуатируемого, теперь достигшего социальной гегемонии класса. Эти идеологические дефиниции важны как точка ценностного выбора, как следующая из них перспектива неприятия и отторжения, общее ценностное содержание которой можно реконструировать по запечатленным стенограммами острым идеологическим сшибкам между вапповскими критиками и поэтами «Кузницы», по текстам Маяковского, наконец, по истории платоновских пьес, романов, повестей 1920–1930-х гг., ибо, как писал Д.С. Лихачев, «на всем пути истории текста произведения стоят люди с их интересами...» [11, с. 45]. Ответ на вопрос, был ли Платонов пролетарским писателем, следует искать в ситуации художественного высказывания, в которой современник Платонова В.Н. Волошинов видел глубинную структуру, поэтологический принцип художественного произведения: «При игнорировании специфичности

знакового идеологического материала идеологическое явление упрощается, в нем учитывается и объясняется или только рациональный содержательный момент <…> или, наоборот, выделяется лишь внешний, технический момент идеологического явления» [5, с. 22], поэтому главный объект науки о литературе — жизненно конкретный смысл слова и судьба его становления как судьба «становления истины и художественной правды» в нем [5, с. 77].

Список литературы

Исследования

1 *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Собр. соч. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 69–264.

2 *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Собр. соч. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 7–10.

3 *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского // *Бахтин М.М.* Собр. соч. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 5–175.

4 *Винокур Г.О.* Критика поэтического текста М.: ГАХН, 1927. 134 с.

5 *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт,1993. 189 с.

6 *Гусейнов В.Н.* Конструирование единомыслия: незавершенный проект РАППа по утверждению нового языкового стандарта // Slavic Literature. 2024. № 146–148. P. 147–186.

7 Звучащая художественная речь: Работы Кабинета изучения художественной речи (1923–1930). М.: Три квадрата, 2018. 516 с.

8 *Корниенко Н.В.* «…Это считалось небольшой должностью» (Огнестойкое строительство в работе губмелиоратора Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. М.В. Осипенко. С. 733–755.

9 *Корниенко Н.В.* «Социальный роман» Андрея Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. М.В. Осипенко. С. 213–230.

10 *Корниенко* Н.В. Архив А. Платонова в ИМЛИ как филологическое событие // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 67–82.

11 *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. Л.: Наука, 1983. 639 с.

12 *Михайлов А.В.* Несколько тезисов о теории литературы. Стенограмма доклада, сделанного 20 января 1993 года на заседании Научного совета ОЛЯ РАН «Теория

и методология литературоведения и искусствознания» // Литературоведение как проблема. М.: Наследие, 2001. 600 с.

13 *Московская Д.С.* Андрей Платонов и литературные институции. К вопросу о комментировании произведений эпохи социалистической реконструкции // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 232–251. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-232-251

14 *Московская Д.С.* [История текста и комментарии: «Антисексус»] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1. С. 547–572.

15 *Московская Д.С.* [История текста и комментарии: «Объявление о смерти»] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 4. Кн. 2. С. 706–7367

16 *Московская Д.С.* «Я по существу мастеровой, братцы». Владимир Маяковский в реминисценциях пьесы Андрея Платонова «Высокое напряжение» // Русская литература. 2012. № 1. С. 178–193.

17 *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия искусства. М.: Искусство, 1991. 589 с.

Источники

18 *Авербах Л.* Памяти Маяковского. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 47 с.

19 *Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 206–242.

20 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. С. XXXV.

21 *Маяковский В.В.* Баня // *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 11. С. 279–347.

22 *Маяковский В.В.* Послание пролетарским поэтам // *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 7. С. 151–156.

23 *Перцов В.О.* Маяковский в последние годы. Жизнь и творчество (1925–1930). М.: Наука, 1965. 419 с.

24 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН. 2021. Т. 3: Чевенгур. Роман. 720 с.

25 *Платонов А.П.* Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. 424 с.

26 Правда. 1931. 18 июня. С. 2.

27 Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, 15–20 сентября 1918 года. 128 с.

28 Толковый словарь / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во национальных и иностранных словарей, 1939. Т. 3. Стб. 1099.

29 *Шкловский В.* Поиски оптимизма. М.: Федерация. 1931. 149 с.

References

1 Bakhtin, M.M. "Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti" ["The Author and the Character in Aesthetic Activity"]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 1. Moscow, Russkie slovari Publ., 2003, pp. 69–264. (In Russ.)

2 Bakhtin, M.M. "K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk" ["To the Philosophical Foundations of the Humanities"]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 5. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, pp. 7–10. (In Russ.)

3 Bakhtin, M.M. "Problemy tvorchestva Dostoevskogo" ["Problems of Dostoevsky's Creative Work"]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 2. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, pp. 5–175. (In Russ.)

4 Vinokur, G.O. *Kritika poeticheskogo teksta* [*Criticism of the Poetic Text*]. Moscow, Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk Publ., 1927. 134 p. (In Russ.)

5 Voloshinov, V.N. *Marksizm i filosofiia iazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o iazyke* [*Marxism and the Philosophy of Language. The Main Problems of the Sociological Method in the Language Studies*]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 196 p. (In Russ.)

6 Guseinov, V.N. "Konstruirovanie edinomysliia: nezavershennyi proekt RAPPa po utverzhdeniiu novogo iazykovogo standarta" ["Constructing a Unanimity: The Unfinished RAPP Project for the Approval of a New Language Standard"]. *Slavic Literature*, no. 146–148, 2024, pp. 147–186. (In Russ.)

7 *Zvuchashchaia khudozhestvennaia rech': Raboty Kabineta izucheniia khudozhestvennoi rechi (1923–1930)* [*Sounding Artistic Speech: The Works of the Cabinet for the Study of Artistic Speech (1923–1930)*]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2018. 516 p. (In Russ.)

8 Kornienko, N.V. "'...Eto schitalos' nebol'shoi dolzhnost'iu' (Ognestoikoe stroitel'stvo v rabote gubmelioratora Platonova)" ["'...It Was Considered a Small Position' (Fire-Resistant Construction in the Work of Gubmeliorator Platonov"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Unanswered Questions*], vol. 9, ed. N.V. Kornienko, comp. M.V. Osipenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2004, pp. 733–755. (In Russ.)

9 Kornienko, N.V. "'Sotsial'nyi roman' Andreia Platonova" ["'Social Novel' by Andrei Platonov"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Unanswered Questions*], vol. 9, ed. N.V. Kornienko, comp. M.V. Osipenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2004, pp. 213–230. (In Russ.)

10 Kornienko, N.V. "Arkhiv A. Platonova v IMLI kak filologicheskoe sobytie" ["Platonov's Archive at IWL RAS as a Philological Event"]. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [*A Textual Timeline. Russian Literature of the 20th Century. Issues of Textual and Source Studies*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 67–82. (In Russ.)

11 Likhachev, D.S. *Tekstologiia. Na materiale russkoi literatury X–XVII vv.* [*Textual Studies. Based on the Material of Russian Literature of the 10th–17th Centuries*]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 639 p. (In Russ.)

12 Mikhailov, A.V. "Neskol'ko tezisov o teorii literatury. Stenogramma doklada, sdelannogo 20 ianvaria 1993 goda na zasedanii Nauchnogo soveta OLIa RAN 'Teoriia i metodologiia literaturovedeniia i iskusstvoznaniia'." ["Several Theses on Literary Theory. Transcript of the Report Made on January 20, 1993 at the Meeting of the Scientific Council of the Department of Literature and Languuage of the Russian Academy of Sciences 'Theory and Methodology of Literary and Art Studies'."] *Literaturovedenie kak problema* [*Literary Criticism as a Problem*]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. 600 p. (In Russ.)

13 Moskovskaya, D.S. "Andrei Platonov i literaturnye institutsii. K voprosu o kommentirovanii proizvedenii epokhi sotsialisticheskoi rekonstruktsii" ["Andrey Platonov and Literary Institutions. On the Question of Commenting on the Works of the Socialist Reconstruction Era"]. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 4, 2019, pp. 232–251. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-232-251 (In Russ.)

14 Moskovskaya, D.S. "Istoriia teksta i kommentarii: 'Antiseksus'." ["The History of the Text and Comments: 'Antisexus'."] Platonov, A. *Sochineniia* [*Works*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2004, pp. 547–572. (In Russ.)

15 Moskovskaya, D.S. "Istoriia teksta i kommentarii: 'Ob"iavlenie o smerti'." ["The History of the Text and Comments: 'Announcement of Death'."] Platonov, A. *Sochineniia* [*Works*], vol. 4, book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 706–736. (In Russ.)

16 Moskovskaya, D.S. "'Ia po sushchestvu masterovoi, brattsy'. Vladimir Mayakovskii v reministsentsiiakh p'esy Andreia Platonova 'Vysokoe napryazhenie'." ["'I Am Essentially a Craftsman, Brothers.' Vladimir Mayakovsky in the Reminiscences of Andrei Platonov's Play 'High Voltage'."] *Russian Litterature*, no. 1, 2012, pp. 178–193. (In Russ.)

17 Ortega-i-Gasset, Kh. *Estetika. Filosofiia iskusstva* [*Aesthetics. Philosophy of Art*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 589 p. (In Russ.)